

Сергей Тамбовский

Кирпичики

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Тамбовский

Кирпичики

«Автор»

2024

Тамбовский С.

Кирпичики / С. Тамбовский — «Автор», 2024

Попаданец в тело бойца строительной бригады МЖК в августе 1990 года. Угар перестройки, программа 500 дней, Чумак с Кашпировским, круглосуточные трансляции заседаний по ящику, талоны на еду и Виктор Цой. И все это на фоне кирпичного производства с нормой 6 вагонок на работника в смену.

© Тамбовский С., 2024

© Автор, 2024

Сергей Тамбовский

Кирпичики

Наши дни, город Энск, август месяц

Это был воскресный день, и поэтому я прибирался в квартире, доставшейся от родителей по наследству. Сталинка... а если быть совсем уже точным, то нечто переходное между ней и хрущёвкой, дом сдали, если не ошибаюсь, в 1957 году, не было уже Сталина на тот момент. Так что потолки тут достигали трёх метров, лестничные площадки были просторными, и кухни приличных размеров, однако все украшательства и финтифлюшки типа колонн, эркеров и барельефов колхозниц успели таки зарубить и выпилить. Единственное, что уцелело в неравной борьбе с излишествами, так это дурацкие круглые нашлёпки на фронтонах в количестве четырех штук. Вот здесь вот во втором подъезде на четвёртом этаже и располагалась моя теперь однокомнатная квартира. Жутко захламлённая и заставленная непонятно чем, я это и выбрасывал потихоньку в течение последних месяцев, готовясь перейти к стадии непосредственного ремонта.

Сегодня пришла очередь кладовки... да, тут и кладовки имелись в каждой квартире, аккуратно отгороженные от коридора картонными дверцами, а в новых домах их сейчас не проектируют практически. Площадь полноценных полтора квадрата. Внутри на полочках лежали несметные кучи макулатуры, тряпок и запасённого с перестроечных времён продовольствия. Я вздохнул и начал с самого верха – там стояла батарея алкогольных напитков, полученных по талонам в 89-91 годах. Водка в основном, Русская и Пшеничная, с отклеившимися этикетками и сильно сниженным объёмом внутри – в связи с неплотными крышками (да, это памятные кепочки) улетучился спирт за прошедшие тридцать нелёгких лет. Пить, естественно, это не следовало, да и выдохлось оно всё, со вздохом подумал я, сгребая бутылки в большую хозяйственную сумку примерно тех же времён выпуска.

Подумав, я отставил в сторону одну целую на вид бутылку «Пшеничной» с колосющимися полями на этикетке, и еще рука не поднялась на портвейн «Азербайджанский», произведённый в городе Агдаме в 1990 году... попробуем, авось не отравимся, решил я, да и настояться он должен был за эти годы. Вышел на улицу, выбросил всё это, кроме двух бутылок, конечно, в мусорный бак, вернулся и продолжил.

Так, на второй полке сверху имели место запасы сахарного песка в трёхлитровых банках, гречка в пакетах и поваренная соль в килограммовых пачках, название почему-то у неё на украинском – Сіль. Произведено всё это добро было на предприятии Артёмсоль в славном городе Соледаре Донецкой области. Беда заключалась в том, что слиплось оно и спаялось под ударами безжалостного времени в сплошной монолит, коим можно было спокойно убить кого-нибудь... ну если поставить перед собой такую цель, конечно.

Без сожаления отправил гречку, поеденную мышами, и всю сіль в сумку, а вот на сахар посмотрел и решил оставить пока. Выкинул опять я это дело в мусорку, побеседовал с соседом о тяжёлых временах и о галопирующей инфляции, вернулся и перешёл к следующему этапу.

Третья полка – мои бывшие детские игрушки, надо ж, уцелели... в глубине отсвечивал даже самосвал размерами более полуметра. И ещё ярко-жёлтый гусеничный вездеход с питанием от квадратной батарейки... сломанный, конечно, давным-давно, моторчик из него я вытащил классе в третьем, кажется. Конструктор стоял в углу – сколько ж я его не видел... лет сорок наверно, а рядом лежал на боку склеенный из набора вертолёт МИ-10, он же «Летающий кран», с обломанными лопастями... как мучительно долго я его склеивал. А, и это всё надо выбросить к чёртовой матери, современные дети если и играют во что-то, то в Плейстэйшн. На крайний случай – в Икс-Бокс.

На лестнице столкнулся с соседкой с третьего этажа, Олей, кажется... плохая у меня память на имена... мы с ней пересекались несколько раз в последние годы, проблемы были общие – у меня мать с деменцией... была до начала этого года, а у неё оба родителя с ней до сих пор. Плюс сестра с болезнью Дауна. Жизнь не сахар, короче говоря, и не мёд. В очередной раз предложил ей денег или какую-нибудь посильную помощь, она в очередной раз отказалась, потому что гордая...

Ну а мы продолжаем с кладовкой. Четвёртая полка это газеты и журналы, почему-то почти все из тех же перестроечных времён... вспоминается, что тогда народ выписывал и покупал прессу, как подорванный, там же в каждом новом выпуске печатались всё новые и новые разоблачения ужасного сталинизма. А ещё запрещённые ранее репрессивным советским режимом произведения. Вот и накопились, наверно, поэтому у людей килограммы макулатуры. Если не тонны. И в углу приютился пяток книжек из приснопамятной серии «Зарубежная фантастика», в народе называемая «Зарубежкой». Это были Финней «Меж двух времён», Лем «Непобедимый», Бен Бова «Властелины погоды» и два сборничка, «Фантастические изобретения» и «Шутник». Я в восьмидесятые хаживал на книжный рынок менять и/или покупать это дело, до тех пор, пока меня в ментовку не замели при очередном налёте. Большую часть книжек пришлось там оставить, чтобы выйти на свободу с чистой совестью, но вот кое-что уцелело, оказывается. Читать такое сейчас невозможно, это я скажу вам с суровой прямоотой, но выбросить рука, конечно, не поднимется, оставляем. А прочее перетаскиваем в комнату и сортируем на козлиц и агнцев...

Итак, что тут у нас имеется... а имеется у нас тут журнал «Огонёк» в количестве пятнадцати штук, все от 90 года. Потом ещё журналы «Юность», 12 штук 89-91 годы. И «Новый мир» тех же времён, 21 штука... помню-помню, Солженицын-Бродский-Войнович, а ещё про-рабы перестройки в лице Клямкина, Лосото и Латыниной. Все коллективно учили нас, как быстро и правильно обустроить Россию. Вот и научили на свою... на нашу то есть голову...

Полистал чисто ради спортивного интереса Огонёк, и в номере 35-м за 90-й год, посреди откровений о Сталине («Не могу снять с себя вину!» Академика Богомолова и «Покушение на Троцкого»), возмущённых писем возмущённых читателей, возмущённых всем на свете, и сияющего своим идиотизмом интервью с Геннадием Хазановым под названием «За что нас приговорили» я узрел целый разворот, посвящённый гибели Виктора Цоя...

История эта подзабылась со временем, так что напомним, как там дело было. Витя после триумфального концерта в Лужниках (Переменны, требуют наши сердца!) уехал отдыхать в Латвию со своей текущей подругой Натальей Разлоговой. Остановились они где-то недалеко от Юрмалы в обычном деревенском домике. И вот 15 августа ранним утром он отправился ловить рыбу на соседнее озеро, рыбак, оказывается, он в душе был. Ничего он там не поймал на этом озере, а на обратном пути где-то посередине между селениями Слока и Талси он вылетел на своём Москвиче (только что получил машину по большому благу) на встречу и врезался в Икарус, возвращавшийся из аэропорта. Мгновенная смерть. Потом был сделан миллион конспирологических предположений на этот счёт, от происков конкурентов (каких, интересно... Кинчева с Шевчуком что ли?) до совсем уже бредовых.

Оставил я, короче говоря, все томики «Зарубежек» и этот номер Огонька... ну еще пару «Новых миров» чисто из-за Чингиза Айтматова, а остальное запихнул в сумку и вынес с глаз своих подальше. А когда вернулся, внезапно понял, что проголодался. Посмотрел, что там завалилось в холодильнике («Ока» выпуска 1970 года, но, невзирая на преклонные годы, работала она прекрасно, электричества, правда, ела раза в полтора больше современных экземпляров). Из нашедшегося в недрах «Оки» соорудил что-то вроде чахохбили, но в облегчённом варианте.

А когда поставил сковородку на кухонный столик, вспомнил про портвейн – самое, подумал, время продегустировать раритетный напиток тридцатилетней выдержки. Достал бутылку

из кладовки, скрутил крышечку и набулькал половину гранёного стакана. Ну что, Ипполит, прозит что ли... выщедил содержимое стакана одним махом, подивился немного необычному вкусу, потянулся вилкой за закуской, и тут у меня внезапно потемнело в глазах... Последняя моя мысль заключалась в том, что наверно зря я выпил этот Агдам, ой, как зря...

Непонятно когда, непонятно где, непонятно с кем

Я очнулся от того, что меня активно хлопали по щекам. Очень сильно хлопали, и по левой, и по правой, почему-то вспомнилась библейская максима по подставлению другой щеки, но я её отогнал, как полностью неуместную.

– Ну хватит уже, – сказал я в пространство, – больно уже.

Хлопки прекратились и мне было сказано следующее:

– Живой? Врача позвать?

Говорил это парнишка в чёрной казённой спецовке крайне уродского вида. Роста он был очень среднего, подстрижен коротко, а на ногах у него были такие же уродливые, как одежда, казённые чёрные говнодавы.

– Не надо врача, всё окей, – пробормотал я.

Из-за плеча парнишки выдвинулась женщина средних лет в синем халате, по интонациям её голоса я догадался, что она тут вроде как за главную.

– Ну и хорошо, что врача не надо. Ты посиди маленько, пусть они эту телегу без тебя догрузят, а там втянешься. А если врача звать, так это оформлять всё придётся официально, несчастный случай на производстве и всё такое... показатели у нас снизятся, а значит подсчёт меньше будет. Правильно я говорю? – потребовала она подтверждения у парнишки, и тот согласно покивал головой.

– Ну не надо и хорошо, – ответил парнишка, из-за плеча которого выглядывали ещё двое, одетых примерно так же. – Тогда сиди тут и не отвечивай, а то у нас план горит.

Ничего не понимаю, сказал я сам себе, но сел на указанную скамейку и начал вникать в происходящее. Прямо передо мной стояла большая телега с кирпичным основанием на железнодорожных колёсах, а на ней высились две незаконченные пирамиды из кирпичей. С обоих боков к телеге подходили рельсы, а на них стояли тоже тележки, но маленькие, четырёхэтажные с такими же кирпичами на каждом этаже. С противоположной стороны работали двое, один выуживал кирпичи с полок тележки и подавал второму, а тот в свою очередь быстро и аккуратно выкладывал их в пирамидки. С моей же стороны парнишка остался один, поэтому он делал по очереди обе стадии этого процесса, и доставание, и укладывание.

Минут десять, и маленькие тележки опустели. Тогда им на смену привезли новые, двое ребят с внешностью лиц среднеазиатской национальности. И всё повторилось с абсолютной точностью. Через полчаса укладка была закончена, с другого конца набежала уже третья бригада, зацепила большую телегу тросом и уволокла её в печь, а на это место поставила пустую.

– Перекур, – сообщил мне первый увиденный в этом мире парнишка, плюхаясь на скамейку рядом. – Десять минут можно ничего не делать. Ты как, если в целом?

– В целом неплохо, – отозвался я, – но в деталях кое-что пока не срабатывает.

– И то ладно, – покладисто согласился со мной он, – детали нарастут со временем. Готов к работе-то?

– Всегда готов! – автоматически вылетело у меня.

И тут его окликнули сзади: – Мишаня, дай прикурить!, – на что он вытащил коробок из кармана и кинул его назад не глядя, добавив «Потом вернёшь». Из этого я сделал вывод, что зовут моего нового напарника Мишей...

– Слушай, Миша, – обратился я к нему, – ты мне не поможешь?

– Помогу, конечно, – ответил он, затягиваясь беломориной, – спрашивай, что надо.

– А что со мной случилось-то, – начал я издалека, – что я так резко отрубился?

– Током тебя шибануло, – ответил он, – тут иногда это бывает, пробило изоляцию на корпус снижателя. С начала года уже третий случай.

– Ясно, – сказал я, хотя ничего ясного тут не было. – Слушай, тут такое дело... короче я ни хрена не помню, ни кто я, ни где я, ни какой сейчас год – не расскажешь?

– Тебе точно ко врачу надо, – озабоченно сказал Миша, – что-то мне твой вид не нравится.

– Не-не-не, – решительно возразил я, – не надо мне никаких врачей, всё наладится... ну если ты мне ситуацию прояснишь, конечно.

– Ну, смотри, я предложил, ты услышал, – ответил Миша, – давай вот сейчас очередную телегу нагрузим, и я тебе всё расскажу.

И тут всё повторилось с точностью до мельчайших деталей, то, что происходило только что – маленькая тележка, которую прикатил долговязый среднеазиат, точнее даже три штуки этих тележек было, две пирамидки на большой колёсной телеге, посередине прибежала женщина в синем халате (Миша назвал её мастером и бабой Юлей, а потом сразу сплюнул) и заорала, что смена кончается, а до нормы ещё ой, как далеко, так что пошевеливайтесь, орёлики. Наконец, выстроили мы эти пирамиды, пять на пять в основании, три на три вверху, 306 кирпичей на каждую, в середине непременно надо было оставить два проёма для того, чтобы кран смог подхватить их при перегрузке в кузов грузовика. Всё, перекур... Миша вытащил пачку Беломора и предложил мне, я отказался, не курю и никогда не начинал даже.

– Ну, слушай свою историю, Саня (так я узнал, что меня тут зовут Александром).

– Сейчас идет 1990 год, август месяц. Фамилия у тебя Летов, но все зовут Лётчиком, лет тебе 28, раньше ты работал в Институте радиотехники, а полгода назад ушёл в комплексную строительную бригаду зарабатывать себе квартиру. Называется это дело МЖК, молодёжный жилой комплекс в расшифровке. Нас тут 12 человек в этой бригаде, в кирпичном цехе девять парней работают, а в плиточном три девочки. Посменно с нами пашут химики... ну это те, кто условные срока получили и обязательную отработку на стройках народного хозяйства, и стройбатовцы, там сплошные таджики с узбеками, по-русски почти никто не понимает. Про семью рассказывать?

– Чё спрашиваешь? – буркнул я, – говори, я скажу, когда притормозить.

– Ты женат, детей нету, жену зовут Ира, живёте вы на проспекте Свердлова, дом 8, квартира 94, это коммуналка.

– Понятно, – протянул я, – а теперь давай подробности.

– Щас телегу нагрузим, тогда продолжу, – откликнулся Миша, туша папироску.

И опять всё повторилось, как страшный сон... но не со стопроцентной точностью – когда специальная бригада начала вытягивать большую телегу в печку, что-то пошло не так, и телега сошла с рельсов. Со страшным грохотом. Наши пирамидки при этом посыпались и развалились где-то наполовину. Прибежала мастер баба Юля с диким ором, в результате чего мы раскидали кирпичи в обе стороны, а телегу поддомкратили и поставили на место. Ну и опять повторилось то же самое, двойная работа получилась, а соответственно двойная затрата времени.

– Так я и знала, – надрывалась баба Юля из-за соседнего крана, – что мы сегодня план не выполним. Шевелитесь, ребятишки!

Продолжение диалога с Мишей получилось только по окончании смены. Мы дружно прошли в раздевалку, перепрыгивая лужи на полу (крыша у кирпичного цеха не очень сплошной была), помылись под холодным душем (горячую воду летом тут, как оказалось, отключали), переоделись из казённых комбезов в цивильную одежду и вышли на свет божий ждать автобуса из этой забытой богом и властями дыры до более-менее цивилизованных мест.

– Какие именно подробности тебя интересуют, Саня? – спросил Михаил.

– Да вываливай всё подряд, разберусь как-нибудь, – хмуро отвечал я.

Из вываленного мне запомнился подробный перечень членов нашей комплексной бригады, распорядок работы на заводе (оказалось между делом, что это последняя первая смена, завтра выходной, а послезавтра выходить во вторую – к половине четвёртого) и что нам обещали в конце трудного пути.

– На этом заводике мы зарабатываем не деньги, хотя их тоже платят, пусть и не очень много, а лимиты на кирпич, который пойдёт на строительство нашего общего дома.

– То есть стройку ещё и не начинали? – уточнил я.

– Да какой там... на месте нашего дома деревья растут – нам, кстати, надо будет их спилить через неделю. У нас и руководители есть со стороны комсомола, там специально сделали такую конторку под названием Молодежное проектно-строительное хозрасчётное объединение, МПСХО сокращённо. Сидят они в одном корпусе строительного института почему-то, в стройке то есть...

Тут к нам подбежал ещё один парнишка, я уже успел запомнить, что это ещё один МЖК-вец по имени Толик.

– Мне тут бригадирша сказала, что сегодня деньги должны дать за июль, – запыхавшись, отрапортовал он, – поехали в стройку.

Да, вот такая двухступенчатая схема у нас была – работали на заводе, а зарплату получали в этой комсомольской конторе. И на этом месте у меня пробило какой-то блок в мозгах, и я отчётливо вспомнил всё... ну или почти всё. Это ж была история одного моего коллеги по одной из работ... ну бывшего, конечно, коллеги по бывшей работе, он у нас всего-то полгода числился, но водку мы с ним пили не меньше пяти раз. И в процессе одного из распитий он и рассказал мне горестную историю своей жизни, в которой был и МЖК с кирпичным заводом, и Институт радиотехники, и семейная жизнь в коммуналке с Ирой. Закончилась вся его эпопея мягко говоря нехорошо – с квартирой его кинули, зря он два года проишачил на вредном производстве, с женой расстался, в институте тоже всё плохо сложилось. В итоге он всё же сумел подняться и устроиться в наш банк, но потом, насколько я знаю, погиб в страшном ДТП где-то на кольцевой трассе вокруг нашего города.

Ну что же, Саня, сказал я сам себе, теперь всё в твоих руках – работай, чтобы улучшить жизнь... если не всей страны, тут уже похоже ничего не сделаешь, а хотя бы собственную.

– Поехали, – согласился я с предложением Толика, потому что встреча с любимой, но незнакомой женой меня немного пугала – хотелось бы оттянуть, насколько можно, этот момент.

Тут и долгожданный автобус тридцатого маршрута подкатил, ЛИАЗ это был, 667-й по моему модели, старый, раздолбанный и грязный, как, впрочем, и всё остальное вокруг этого кирпичного заводика. Загрузилось в него всего человек десять по случаю середины рабочего дня.

– Слушай, – спросил я у Миши, когда мы выехали из промзоны в городскую застройку, – а правда что ли, что завод наш имени Цеденбала? Просто слышал сегодня мельком такое его наименование.

– Чистая правда, – подтвердил он, – там какая-то тёмная история была с визитом этого товарища в СССР. До нас он не доехал, но встречал его секретарь ЦК Катусев, он из нашего города. Ну и кто-то как-то подсуетился, в смысле увековечения, вот назвали хоть что-то его именем.

– Понятно... а где это мы едем?

– Проспект Гагарина... до конца доедем, там кольцо будет, а от него до стройки пять минут пешком. Ну ты вспомнил что-нибудь или всё так же? – поинтересовался он.

– Да, что-то проясняется, – не стал разочаровывать его я, – но не до конца. Расскажи ещё про мой институт, если знаешь.

– Тут я не особо в курсе, в другом месте работаю, знаю только, что числился ты там в отделе автоматизации, зарабатывал около 250 рубликов, а ещё в последнее время у вас там зашевелилась частная инициатива и тебя вроде бы звали в малое предприятие, но это неточно.

Поток транспорта, несмотря на рабочее время, был, мягко говоря, невеликим и состоял в основном из общественного и грузового транспорта, легковушек ездило очень мало, а инома-рок совсем не было. Просто ни одной, и это было непривычным... Вместо обычной в 21 веке рекламы банков, сотовых операторов и косметических средств по краям дороги стояли щиты с призывами крепить дисциплину, внедрять ускорение технического прогресса и углублять перестройку и новое мышление. Пару раз встретились лица товарища Горбачёва и почему-то призывы крепить дружбу народов в нашей многонациональной стране.

– Приехали, – сказал Миша, и мы встали и вышли на площади, где посередине значился памятник великому пролетарскому писателю Максиму Горькому... если вдуматься – кто же ещё может тут стоять, на площади Горького-то.

Толик тоже за нами следом увязался – я так понял, что Миша к нему относился как-то брезгливо, ладно, потом разберусь. А строяк действительно оказался совсем по соседству, два поворота по узким центральным улочкам, и вот он, городской строительный институт собственной персоной. Еще не университет и не академия – мода на такие названия через пару лет придёт.

– А почему наши руководители здесь сидят? – поинтересовался я у Миши, – какая связь МЖК со строяком?

– Вообще-то небольшую связь уловить можно – мы свой дом строим? Строим, точнее собираемся. А здесь учат строителей. А так-то сложно сказать, – ответил мне он, – наверно у райкома комсомола какие-то завязки с ним имеются. Вот и выделили комнату.

Вход в институт никем не охранялся – очень непривычно, глядя из 21 века, когда везде и всюду поставили турникетов и охранников.

– Сюда, кажется, – пробормотал Миша, сверяясь по бумажке.

– Мы первый раз, что ли, сюда идём? – спросил я, – что ты проверяешься по записанному?

– Ага, – признался он, – раньше всё в райком ходили, ну который на Сусанина. А в июле они сюда съехали. Теперь надо подняться на полэтажа... и спуститься на этаж... направо... налево... еще налево и назад... вот она, 113 комната.

Пройдя таким заковыристым путём, мы остановились перед дверью, никакой таблички на ней не было, поэтому я просто толкнул её внутрь и зашёл, за мной и двое остальных. Внутри были довольно обширное помещение с двумя окнами на Ильинку, куча столов, наваленных горкой в углу, сейф и двое молодых круглолицых граждан, сидевших рядком на подоконнике.

– О, наши бойцы пожаловали, – сказал один из граждан, одетый сплошняком в джинсу, – за деньгами небось?

– Ага, – сразу обозначил нашу цель Миша, – за ними. Нам тут сказали, что зарплату за июль выдают.

Этот разговорчивый товарищ спрыгнул с окна, присел пару раз, очевидно разминая затёкшие ноги, потом так же размял руки и ответил:

– А кто сказал?

Вперёд выступил Толик и разъяснил, что слышал от нашего мастера на заводе.

– Хочу вас расстроить, ребята – нету денег. Должны были вчера выдать в райкоме, но задержали почему-то. Время-то сами знаете, какое...

– Что, совсем ничего нет? – переспросил Миша.

– То есть абсолютно, – отрезал этот хрен.

– Ну позвоните тогда что ли... – это вступил в разговор Толик, – или сообщите как-то, когда деньги появятся... чтоб мы лишний раз не мотались через весь город.

– Обязательно, – улыбнулся обаятельной улыбкой тот, – как только, так сразу.

Мы тем же сложным путём вышли на улицу, и я по дороге начал пытаться народ на предмет нашего руководства и размеров оплаты труда.

– Сколько хоть нам платят-то в месяц?

– По-разному, – уклончиво ответил Толик, – у нас же сдельная система. От 130 до 200 где-то выходит.

– А они кто такие-то вообще, эти руководители? И почему нашими деньгами распоряжаются? Причём так коряво? – продолжил я.

– Их райком комсомола назначил, – пожал плечами Миша, – тот, что говорил, это Володя Колин, а тот, что молчал, Коля Володин. А деньги у них стопудово есть, просто они их прокручивают недельку-другую перед тем, как выдать – всё лишняя копейка в карман капает.

– А они ведь ещё и строительством нашего дома должны заниматься по идее, – вспомнил вдруг я, – там они с такой же скоростью работают?

– Да не смейся, – ответил Миша, – там вообще конь не валялся, никто ничего не делает и не собирается. И это при том, что наши конторы... ну где мы работали перед уходом в МЖК, перечислили за каждого в уставной фонд этого МПСХО по 25 тыщ...

Я прикинул в уме, сколько ж это в деньгах 21 века будет, и получилось всяко больше пяти лимонов рублей в ценах 2020 года... немало, однако...

– Надо будет как-то порешать этот вопрос, – задумчиво сказал я, – но не насकोком, подумать придётся... а сейчас что, прощаемся, – и я пожал руку Мише с Толиком.

Толян сразу удалился куда-то вбок, а я напоследок поинтересовался, как отсюда добираться до своей родной улицы Свердлова.

– Так на метро же, – окинул меня непонимающим взглядом Миша, – у нас его в прошлом году прорыли – садись на Горьковской, вон там, едешь до конца, а на месте разберёшься уже.

1 августа 1990, вечер, город Энск, улица Свердлова

Ветка метро в Энске пока что одна была и шла она от станции Горьковской до Парка культуры, как я узнал из схемы на входе. Из той же схемы было понятно, что ведётся строительство второй ветки с пересадкой на Московскую, но когда и как её запустят, было покрыто чёрным мраком. Чтобы пройти на станцию, надо было кинуть пятикопеечную монету в турникет, а если у тебя пятака не имелось, можно было разменять 10, 15 и 20 копеек в автоматах либо в кассу пройти. У меня в кармане нашёлся пятак, и даже не один... заодно уж ревизировал содержимое остальных карманов.

Там обнаружилась денежная наличность в количестве двадцати рублей, оранжевый червонец, пятёрка, трояк и два рубля рублями. Плюс мелочь в районе полтинника. Плюс проездной на автобус на август месяц стоимостью 6-50, в метро, к сожалению, он не работал. Плюс пропуск в Институт радиотехники, действительный до 1 января 1991 года. Плюс ключи, пять штук ключей, один, наверно от квартиры, второй от комнаты внутри квартиры, с назначением остальных предстояло ещё разобраться. Плюс две простыни талонов на покупку товаров первой необходимости в августе-сентябре месяцах текущего года – август, как я уже выяснил, только что начался, значит с их отовариванием можно было не торопиться. И ещё у меня имелась в распоряжении сетчатая сумка типа «авоська». И квитанция за ЖКХ на июль месяц в сумме десять рублей с копейками. А больше ничего.

Те самые талончики, здесь явно не все – еще на растительное масло выдавали, на кондитерку, на рыбу-мясо, на мыло, отдельно на туалетное и хозяйственное... на пике, кажется, этого талонного безумия 20 разных товаров распределяли.

Талоны меня заинтересовали. Порывшись в памяти, я вспомнил, что 90-й год это же эпоха тотального дефицита, в магазинах почти ничего не осталось... ну по вменяемым ценам, с наценкой втрое-вчетверо всё можно было достать, только денег у народа хоть и прибавилось, но всё же не вчетверо – кооперативные продукты покупали неохотно. Талоны эти были, очевидно, на меня и на мою дорогую половину – поскольку месяц только начался, все купончики, включая август, на месте были. Отоваривать ведь придётся, со вздохом подумал я, а это дело непростое...

Я вышел из метро на Парке культуры, спросил первого встречного, где здесь Свердловка, оказалось совсем недалеко, и возле дома номер 8 я оказался через пять минут. Но по дороге решил заглянуть в продуктовый магазин, вдруг удастся обменять пару талонов, оттягивавших мне карман, на реальные мат-ценности.

Судя по вывеске, это был «Магазин №3 Энскпищеторга», а внутри он оказался самым стандартным гастрономом советской эпохи, которые я запомнил из своего детства. Направо располагался хлебный отдел, кондитерка и розлив соков-вод из треугольных конусов, прямо мясо, которого тут не лежало уже лет 10-15, а налево молочка, крупы и алкоголь, отделённый от остальной территории фигурчатой железной решёткой. Ну и две кассы, выбивавшие чеки в отделы. Судя по тому, что народу здесь было чрезвычайно немного и продавщицы сучали за своими пустыми прилавками, ничего дефицитного мне здесь урвать сегодня не суждено, подумал я, но в этот момент слева началась какая-то суета... эге, подумалось мне, что-то видимо собираются выбрасывать в продажу, так что ты, Санечка, не стой столбом, а подсу-тись немного...

Через полчаса я стал счастливым обладателем двух бутылок – Русской водки за 9-10 и Советского шампанского за 6-50. Авоська очень пригодились, хотя ходить вот так по району, выставляя напоказ свои покупки, мне лично показалось не очень правильным. То ли дело нарядный пакет с надписью «Пятёрочка» или какая-нибудь там «Лента», но до этого ещё ой, как далеко. И ещё я с досадой подумал, что денег у меня осталось совсем ничего, пятёрка с мелочью – если зарплату комсомольцы не выдадут, неизвестно, как жить дальше.

94-я квартира в восьмом доме, судя по указателям, оказалась в шестом подъезде, а сам дом, как выяснилось, был серой сталинской громадой о двух крыльях и одной арке посередине, как раз между пятым и моим шестым подъездами. Домофонов в этом времени ещё не придумали, так что внутрь я проник беспрепятственно, потянув тяжёлую скрипучую дверь на себя, поднялся на четвёртый этаж, немного поколебался, звонить ли или самому открыть, и выбрал последнее, подошёл первый из ключей на связке...

Внутри мне открылся длиннейший полутёмный коридор, из которого ответвлялись две комнаты вправо и одна влево, а в самом конце был ход на кухню, судя по запахам жареной картошки и лука. Слева ещё имелась вешалка с зимней одеждой и шапками, а справа на стене на уровне глаз три электросчётчика, видимо, по числу жителей этой коммуналки... такая вот диспозиция. Интересно, в какой же комнате живу я, подумалось мне, и я не смог дать себе ответ на этот вопрос. Ладно, будем работать по обстановке... ещё же ключи на связке же есть, можно проверить, куда они подходят. Но если меня застукают за этим делом в чужой комнате, будет не очень здорово...

Положение спасла девушка, выглянувшая в коридор из средней комнаты. Увидев меня, она скривилась, произнесла «Ну и чего ты там стоишь, как засватанный, заходи», и распахнула пошире дверь, а потом добавила «Опять водяры притащил?». Я посмотрел на свою авоську, потом на девушку и ответил так:

– Ну ты чего, Ирунь, талоны же надо отovarить было, а тут так удачно сложилось – я же не виноват...

– Ты никогда ни в чём не виноват, – с нажимом произнесла она, отступая в комнату, я зашёл вслед за ней.

Даааа, подумал я, обозревая интерьер, значит, так вот я живу в этом времени, даааа... комната была вытянута поперёк коридора, примерно три на пять метров, двустворчатое окно, за ним балкон. Слева кровать типа тахта и шкаф для одежды, с зеркалом, справа холодильник «Ока», тумбочка с телевизором «Чайка», письменный стол и трюмо, тоже с зеркалом. На полу коврики. Небогато, прямо так скажем. Ира села за трюмо, достала какой-то там тюбик с косметикой и начала себя подкрашивать.

– Ты мне всю жизнь испортил, козёл, – сказала она с отвращением, – где мои глаза были, когда за тебя выходила?

– Наверно там же, где и сейчас, – осторожно ответил я.

На лицо она была не сказать, чтобы писаной красавицей, но и не страшной, роста среднего, волосы имела русые, ямочки на щеках, определённый потенциал сексапильности у неё имелся, всё портили только несколько лишних килограмм веса, из-за чего талия была сантиметров на десять больше, чем хотелось бы.

– Я бы поел чего-нибудь, – продолжил я диалог с неожиданной супругой, – после смены жрать очень хочется.

– Я ничего не готовила, – лениво ответила она, – некогда было. Со вчерашнего дня что-то осталось в холодильнике, посмотри... и картошку если будешь жарить, заодно можешь и на меня.

Тэээк, продолжил размышлять я, она ещё и еду готовить не любит, а судя по пыли и грязи, и убираться очень не любит. И она тут же подтвердила мои мысли:

– И убираться надо не забыть в бытовых – сегодня наша очередь уборки начинается. Ты ведь мне поможешь?

Ну хотя бы не все домашние обязанности она на меня переложила, с облегчением подумал я, но всё равно такие расклады, мягко говоря, не очень...

– Хорошо, Ирочка, – не стал нарываться с порога я, поживём-посмотрим, – картошку я пожарю. И убираться помогу, только, может, не сегодня? Завтра у меня выходной, тогда уже...

И с этими словами я вышел на кухню, в одной руке у меня был пакет с картошкой, старой и сморщенной, прошлогодняя наверняка, а в другой – бутылка с подсолнечным маслом, мутная и с осадком, плюс репчатый лук, этот получше смотрелся, чем картошка. На кухне стояло три стола у разных стенок... этот момент я не предусмотрел – знать бы, который из них наш. Помог сосед в майке-алкоголичке, зашедший вслед за мной покурить.

– Здорово, Санёк, – протянул он мне свою лопатообразную ручищу, – картоху решил пожарить?

– Ага, – ответил я, не рискуя никак называть соседа, о нём мои воспоминания молчали, как рыбы, – после смены жрать захотелось.

– Ну давай, шуруй, – уселся он за стол справа (ага, минус одна загадка), доставая коробку сигарет, – а Ирка-то твоя что ж не пожарила?

– Да голова у неё болит с утра, – брякнул я, чтобы отвязаться, и положил картошку с луком на полочку возле мойки.

Теперь надо выбрать один из двух оставшихся столов, начал размышлять я... а пусть сосед поможет ещё раз.

– У меня нож затупился, не одолжишь? – попросил я у него.

– Держи, – и он протянул мне самопальный ножик с наборной пластмассовой ручкой, такое добро во множестве клепали на Заводе, – ножи точить надо иногда.

И он встал и вынул пару ножей из подставки на соседнем столе – эге, вот же наш стол, внутренне улыбнулся я.

– И точно, тупые, как валенки, – констатировал он, сунув ножи обратно, – вчера точильщик в наш двор заходил, обещал ещё раз на неделе появиться – не пропусти.

Более нам говорить было не о чем, так что картошку я пожарил в полном молчании, взял сковородку, подставку в виде разделочной доски, пару вилок, и отнёс всё это добро в свою комнату.

– Готово, – сказал я супруге, – садитесь жрать пожалуйста.

Она скосила глаза на сковородку, но сказать ничего не сказала, а просто села за стол поближе к еде и взяла в руки вилку. Когда мы доедали пожаренное (получилось совсем неплохо), она вдруг вспомнила ещё один момент:

– Да, наша же очередь мусор выбрасывать – отнеси вёдра в машину, будь добр. Она через десять минут должна прийти, мусорка эта.

Тут я окончательно встал в тупик – в 21 веке мусор выбрасывали либо в мусоропроводы, либо в большие баки во дворе, причём с отдельным сбором. Никаких машин там даже в помине не существовало... а, ладно, решил я, доев последние ломтики картошки, выйду во двор, разберусь на месте.

Флешфорвард – 15 августа 1990 года, Плиценьциемпс, Латвийская ССР

От автобусной остановки до посёлка идти было недалеко – по сосновой рощице, а потом по белому песку, здесь это называли дюнами. Намучился я с этой логистикой от Риги, сначала от аэропорта до города, потом поиски затерянной автобусной станции, откуда местные колхозники отгружались на запад вдоль Рижского залива, потом выматывающая поездка по тряским латвийским трассам (не верьте тем, кто заливает про идеальные дороги в Прибалтике, врут они, как сивые мерины). Добрался, короче говоря, до места я уже где-то к одиннадцати часам. И сразу начал искать эту грёбаную Зелтини... не спрашивайте, что это и как переводится, всё равно не скажу, но здесь, судя по тому, что помнил остатками своего головного мозга, должен был остановиться на постой Виктор со своей подругой Наташей.

Местные жители это что-то с чем-то, все усиленно делали вид, что русского языка не понимают в принципе. Четвёртый только... точнее четвёртая с некоторым усилием вникла в мои расспросы и ткнула пальцем куда-то вперёд, добавив с характерным акцентом:

– Зелтини там, молодой человек, белый одноэтажный дом с пристроем справа.

Ну и на этом спасибо тебе, неведомая жительница Плиценьциемпса (тьфу, язык сломаешь). Слева открылся вид на Рижский залив – ну ничего так, можно понять Витюню, в центральной России таких видов ты никогда не найдёшь. Пахло хвоей и чем-то солёным от моря, йодом наверно. Так, а вот, похоже, и тот самый Зелтини... вспомнил я неожиданно, что это означает на русском – ювелир, точнее много их, ювелиров... ну может быть оно связано как-то с янтарём, которого тут до хрена и больше. Никого рядом и внутри дома видно не было.

«Zeltini» – обыкновенный сельский дом с печным отоплением и небольшим земельным участком. В нем, а точнее в одной из его комнат (с отдельным входом), Наталия и Виктор на протяжении трех лет проводили летний отпуск

Я подошёл к воротам, постучал специально подвешенным молоточком по железке, но ответом было глухое молчание, если не считать заливающего лая, но это откуда-то по соседству. Ладно, иду внутрь участка, поднимаюсь на крыльцо и громко спрашиваю «Эй, хозяйка – дома есть кто-нибудь?». И через полминуты дверь открывается и на меня уставляется чёрненькая красавица с короткой стрижкой.

– Чего орёшь, не в лесу!

– Так не отвечает никто, – говорю я, – тебя наверно Наташей зовут, а мне бы с Виктором поговорить.

– А ты кто такой-то?

– Саня, погоняло Лётчик. Меня Каспарян прислал, дело срочное есть.

- Нету Виктора, на рыбалку уехал.
- И давно?
- С раннего утра и уехал. Скоро вернуться должен, тогда и поговоришь про своё дело.
- А куда уехал, не знаешь случайно?
- Случайно знаю, на соседнее озеро, Ванадзиня называется.
- А какое сегодня число, разве не 14-е?
- Пятнадцатое с утра было, – удивлённо ответила Наташа, – а при чём тут число-то?

Я мысленно хлопнул себя по лбу рукой – перепутал числа, debil, теперь разруливай ситуацию как можно быстрее.

- А что, Наташа, в этом посёлке мотоциклы у народа имеются?

– Я даже не знаю, – смутилась она, – наверно есть... народ ездит, по крайней мере... но у кого, не могу сказать.

– Плохо, – только и смог ответить я, – попробую поспрашивать. Да, дорога к озеру, это вон она? – и я показал направо.

– Да, – ответила Наташа, – километров десять по асфальту, потом поворот налево на грунтовку. Там указатель должен быть с названием озера.

Ничего я ей больше говорить не стал, а развернулся и отправился в деревню искать транспортное средство. Повезло мне в четвёртой по счёту усадьбе, в доме с хорошей черепичной крышей. У хозяина оказался в наличии мопед «Верховина», и даже на ходу, и даже с залитым в бак бензином. Он согласился ссудить мне его на часик-два всего за червонец. Паспорт, правда, тоже взял в залог.

Ещё раз для порядка справился о направлении к озеру ... и рванул туда с низкого старта. На часах была уже половина двенадцатого, время поджидает. И тут я понял, что до озера уже не успею добраться в срок, надо что-то другое предпринимать... ну думай, голова, думай, ты для этого и предназначена...

Возвращаемся в 1 августа – город Энск, торжественный вынос мусора

Я взял ведро с кухни, грязное и полное почти что до верху, потом вспомнил, что ещё же ведро должно быть в сортире. И точно, нашлось там оно, наполовину заполненное и лёгкое. Ну а теперь на улицу, дожидаться мусоровоза... из очень далёких окраин памяти я вспомнил, что это за чудовище такое и как с ним обращаться.

А во дворе тем временем уже накопилась приличная группа граждан со схожими запросами, у всех в руках или где-то неподалёку имелись помойные вёдра. Я нарываться не стал, а просто встал чуть в отдалении от входа в подъезд и приготовился ждать. Ещё одна комната в нашей коммуналке занимала моё воображение – про дядю Петю я всё понял (кстати, один ли он там живёт или с кем ещё, тоже вопрос), а вот самая ближняя к выходу оставалась неизведанной загадкой...

Пока размышлял о тайнах бытия, ко мне подошла девица довольно вульгарного вида и с ходу заявила:

- Сань, ты чего не здороваешься?
- Извини, задумался, – буркнул в ответ я, – здорово, как жизнь?

Узнать бы ещё, кто это, и как её зовут, подумалось мне.

Язык у моей внезапной собеседницы оказался без костей, поэтому через полминуты выяснилось, что это моя одноклассница и зовут её Зиной, живёт она в соседнем подъезде, и ещё у неё есть брат Витя, и мы втроём частенько зависали на эстраде, коя высилась почерневшими досками между нашим и соседним домом. А ещё туда приходила Верочка, тоже из нашего класса, с которой у меня были какие-то отношения, а потом резко прекратились, когда

появилась моя Ира. И ещё кучу информации она на меня вывалила... прямо, как из ведра... из помойного. Ну окей, Зина, я всё понял, Зина...

– Мусорка, кажется, едет, – сказал я, чтобы отвязаться от назойливой подруги.

– Точно, – радостно ответила она, оглянувшись назад, – сегодня она вовремя, это большая редкость.

Это был страшно уродливый ГАЗ-51 с переделанным кузовом, я вспомнил такие артефакты из глубин развитого социализма – мусор в него следовало высыпать в открытый люк сзади, причём крупные вещи можно было засунуть во внутренности через отдельный лючок рядом с кабиной. Крупного у меня ничего не было, поэтому я дождался свое очереди, но немного не успел. Содержимое этого вместилища видимо превысило какие-то неведомые мне нормы, и водитель громко сказал «Ша, все отошли на два метра», после чего врубил механизм уплотнения.

Оно там и уплотнилось на целый метр, при этом на дорогу вылилось пара литров чего-то бурого и неприятно пахнущего. А когда пресс вернулся на свое законное место, мусорщик ничего говорить не стал, а просто отошёл в сторонку. Я вытряхнул оба ведра по очереди, попрощался с Зиночкой и вернулся в свою квартиру. Помыть бы их что ли надо, со вздохом подумал я, обозревая днища своих вёдер, но решил, что и так сойдёт – постелил по половинке газетного листа и поставил их на свои места. Когда мыл руки в ванной (вытирать не стал, непонятно, кому какое полотенце принадлежит), услышал сзади негромкое покашливание. Обернулся – там стояла женщина очень средних лет и очень средней наружности. В бигудях.

Ты гуди-гуди-гуди, пока крутишь бигуди, неожиданно всплыл у меня голове дурацкий припев дурацкой песенки. А бигуди тем временем вошли в ванную, подвинув меня в угол обширным бюстом, и защёлкнули за собой задвижку на двери.

– Что же это ты свою Марусю совсем забыл, Санечка? – сказала она трагическим шёпотом, – не навещаешь, не приголубливаешь? – и при этом она сделала попытку стащить с меня тренировочные штаны.

– Да ты чего! – решительно пресёк я её попытку, – сейчас Ирка выйдет на кухню, она нам обоим устроит приголубливание. И потом, – решил я положить сверху довесок, – меня сегодня на заводе током шандарахнуло, поэтому я некоторое время буду недееспособен... дверь-то открой.

Она с недовольным видом открыла защёлку, встала к умывальнику и сделала вид, что моет руки, а сказала следующее:

– Бедняга. Когда восстановишься, заходи, буду ждать.

– Угу, непременно, – выскочил я из ванной, как ошпаренный.

А сам начал напряжённо размышлять – Маруся эта, Огонёк, наверняка и живёт в третьей комнате нашей коммуналки, спасибо, что хоть это я быстро прояснил. И полотенце понятно стало, какое её и какое наше. На этом плюсы заканчиваются и стартует отрицательный полюс квартирному аккумулятору – вот же какой неразборчивый в женском поле был бывший хозяин моего тела... и супругу подобрал очень редкую, и в любовницах у него какая-то, прости господи, Елену Станиславовну, подругу Ипполит Матвейча...

Ладно, вернёмся к этому вопросу чуть позже, решил я, а сейчас надо бы провести свою ненаглядную половину. Половина возлежала на кровати и смотрела телевизор.

– Что смотришь? – спросил я чисто для поддержания разговора.

– А ты что, сам не видишь? – скучающим тоном ответила она.

Я присмотрелся к экрану и с удивлением увидел, как Глеб Жеглов с Володей Шараповым беседуют с товарищем Груздевым.

– Ничего себе, – вырвалось у меня, – сегодня начали?

- Да, первую серию показывают. А потом будут Игры доброй воли.
- Тоже неплохо, – согласился я, – я разберу свои бумаги, ладно?
- Чего это вдруг? – подозрительно спросила она.
- Свидетельство о рождении попросили в кадры занести, – быстро соврал я.
- Ну ищи, оно где-то на верхней полочке должно лежать, – и она лениво ткнула пальцем по направлению к шкафу.

Слава богу, не придётся метаться в поисках, подумал я, вытащил с верхней полки шкафа сумку с документами и расположился на столе в углу. Так, первым делом я паспорт свой нашёл и раскрыл – зовут меня, значит, Александр Игоревич Летов, родился я в июле 1962 года в деревне Торбеевка Тамбовской области, это хорошо... отец Летов Игорь Иванович, мать урождённая Хопрова Лидия Тимофеевна. Прописан я здесь вот, в этой квартире.

Поехали дальше... свидетельство о браке заключено 10 октября 1988 года в городе Энске, девичья фамилия у супруги была Козлова... а ещё козлами других называет. О, есть штатное расписание лаборатории в институт радиотехники Академии наук СССР, где я, очевидно, работал до начала этого 90-го года... это полезная информация, забираем. И записная книжка с кучей фамилий, адресов и телефонов, тоже откладываем, попозже разберемся.

– Ты что-то долго там возишься, Саша, – подала недовольный голос с кровати супруга, – вон же твоё свидетельство, я даже отсюда вижу.

Помолчала бы лучше, зоркая ты моя, чуть было не вырвалось у меня, но удержался, а ответил просто.

– Извини, не сразу заметил, – после чего я собрал всё оставшееся обратно в сумку и задвинул её в шкаф.

А теперь чего, Санечка, теперь тебе предстоит практически первая брачная ночь с новообретённой женой, такие дела... но она, конечно, не сразу настала, эта ночь, сначала мы «Место встречи» досмотрели, потом репортаж с Игр доброй воли, а затем уж в койку улеглись... слава богу, что изделия номер два я нашёл примерно там же, куда документы клал.

Что вам рассказать про секс с Ируней... да лучше ничего не говорить, а просто тяжело и глубоко вздохнуть – бревно бревном, к тому же из всех позиций признаёт только самую простую, к тому же брить промежность её никто не научил... плюс её запах духов меня просто из равновесия выводил. Нет, с этим тоже надо что-то делать и лучше побыстрее...

2 августа, институт радиотехники Академии наук СССР

А утром я кофе сварил из обнаруженного в нашем кухонном столе молотого пакета. На нём значилось, что произведено оно на Владимирском пищекомбинате всего-навсего месяц назад. Запах, правда, был не очень ощутимым, но был... а вкус так и вообще оказался выше всяких ожиданий. Ира удивлённо подняла брови, когда я внес в комнату поднос с двумя чашками и двумя же бутербродами с колбасным сыром.

- Что это на тебя нашло? – спросила она, – раньше ты к готовке и близко не подходил.
- Сам не знаю, – честно ответил я, – просто захотелось. Угощайся, дорогая.

Дорогая немедленно угостилась и сообщила, что всё просто замечательно, а следом вывалила на мою голову огромный пакет неструктурированных данных. Слегка так отфильтровав её базар, я вычленил парочку действительно важных вещей – например, что работала Ируня бухгалтером в заведении со сложной аббревиатурой, что-то со строительством связано. А ещё, что денег у нас на сегодняшнюю дату кот наплакал, меньше сотни осталось, и как жить дальше, она с трудом представляет. Нет, есть ещё сберкнижка с тысячей, доставшаяся от моих родителей, но снимать что-нибудь с неё она не считает нужным.

Заодно и родительский вопрос прояснил – я был круглым сиротой, отец давным-давно умер, мать год назад, а вот тесть с тёщей имелись в полном комплекте, и нам надо бы было их посетить в ближайшие выходные.

– Ты же знаешь, – немного притормозил её я, – у меня сейчас скользкие выходные, вот сегодня, например. Так что тут надо подгадать, когда они совпадут с твоими... и чтобы родители против не были.

– Ладно, решим вопрос в рабочем порядке, – ответила Ирочка, – а с деньгами ты уж придумай что-то, а то зубы на полку скоро положим.

– Зарплату должны на заводе выдать, – нерешительно предположил я, – вот буквально сегодня-завтра. И в институте попробую что-то перехватить.

– Ты уж попробуй, ну а мне пора, – она слегка подкрасилась и сказала мне «адью» на дорожку.

Ну адью, значит адью, ладно, что не арривидерчи... произвёл ревизию финансов – обнаружил в комнате 98 рублей с мелочью. Плюс оставшийся у меня от вчерашних трат червонец. Не густо... Ну что, день у меня сегодня выходной, поедем-ка мы по этому поводу съездим в свой институт. Глядишь, финансовые проблемы как-то порешаем, а, Александр Игоревич? Совершенно с тобой согласен, Александр Игоревич, ответило моё второе я.

Я вытащил из глубин своей памяти, что ехать к институту следует на автобусе 40-го маршрута. Параллельно идёт ускоренный 60-й, тоже сгодится, но у него перерывы в работе большие. Нет, можно и на метро, конечно, но там пересаживаться придётся, к тому же проехать у меня на автобус, а не на метро. Так что включаем режим жёсткой экономии и идём на остановку 40-го.

Слава богу, никого из знакомых я при выходе из квартиры не встретил, вышел через арку на проспект Свердлова и потом наискосок к районному универмагу. По дороге пытался прикинуть, что же такого было в этом 1990 году и конкретно в августе месяце. Вспомнил только, что это была перестройка на самом излёте, СССР остаётся жить год с хвостиком, борьба нанайских президентов Горбачёва и Ельцина входит в решающую фазу. Ещё что? Германия объединится, но это к концу года. Пройдёт парад независимостей союзных республик – Эстония, кажется, первой в этом списке будет, а потом остальные прибалты, молдаване, армяне, киргизы... украинцы с белорусами вроде бы молчат пока. Ещё что? Ирак же заберёт себе Кувейт, и как бы не завтра-послезавтра, но это мне по барабану в общем и целом. Нобелевку Горбачёву дадут, гниде меченой. Стартует эфир радио «Эхо Москвы», выйдет первый выпуск «Поля чудес» ещё не с Якубовичем, а с Листьевым. Введут коммерческий курс рубля, вроде бы 1,8 к доллару, но у спекулянтов он давно в районе 5 держался. И ещё умрёт Витя Цой, поэт, композитор и исполнитель своих песен, обретший невероятную популярность в стране к этому времени.

А вот и долгожданный сороковой автобус, и даже не очень набитый по причине достаточно позднего времени – к началу работы все проехали, а в 10-11 часов ехать уже особенно некому. Грузимся и трогаем...

Через сорок минут я вышел на остановке «Политехнический институт», а тут и до моего радиотеха два шага. Площадка перед входом полупустая, нет ещё в стране автомобильного бума, лет 15 ждать до него. Фойе, доска почёта... о, мы тут приостановимся и изучим лица – пригодится. Из тех, кто значился в моём штатном расписании отдела, я нашёл двоих – начальника, естественно, Гринберга Андрея Наумыча, а ещё завлаба Быстрова Александра Ивановича... лица запомнил. Только дёрнулся к вахте, как был остановлен раздавшимся от окна окриком:

– Лётчик, притормози, дело есть.

Я оглянулся – там на подоконнике сидел парень примерно моих лет и ничем не примечательной наружности. Знать бы ещё, кто это такой...

– Привет, – ответил я, садясь рядом на подоконник, – а что за дело?

– Ты же у нас по электронике спец, хоть временно и не при делах, – продолжил этот хрен, – а мне как раз надо спаять с десятков усилков для видеосигнала.

– Так-так, – сказал я, – давай обсудим, я не против. Что за сигнал, когда надо, какие условия?

– Я тут по случаю пару видеков прикупил, – издали начал он, – деньги свободные образовались ...

– И почём же сейчас видики для народа идут? – перебил его я.

– Вообще-то это коммерческая тайна, но тебе, как родному, скажу – по четыре тыщи... так-то по четыре с половиной, но за малый опт скидку дали.

– Ничего себе, – искренне изумился я, – восемь тыщ это... это сорок моих зарплат, три с лишним года работа. Однако...

– Так овёс-то нынче недёшев, – усмехнулся мой собеседник. – Но это мы отвлеклись. Тема, значит, такая – кабельное телевидение. Для начала в моём доме, там восемь подъездов, триста квартир, если половину хотя бы окучить, неплохие бабки нарисуются.

– Интересно, – призадумался я, вспоминая историю зарождения, стремительного роста и быстрого упадка кабельных каналов. – Восемь подъездов это грубо восемь усилков...

– И один сразу на выходе, итого девять, – поправил меня он. – И кабель придётся протящить по всем этажам, работа несложная, но муторная.

– Согласен, – быстро ответил я, – только денег у тебя, как я понимаю, сейчас нет. Зарплату мне платить нечем будет, верно?

– В корень глядишь... отдам, как только раскрутимся, по столынику за усилки пойдёт?

– У меня другое предложение – возьми меня в долю лучше. У тебя же юридическое лицо наверняка какое-то образуется, а у него учредители должны быть. Вот мы вдвоём и будем этими учредителями, – быстро протараторил я, чтобы он не успел сдать назад, и так же быстро добавил, – согласен на 33 процента. По рукам?

Он подозрительно посмотрел на меня, потом зачем-то на турникет, потом ответил:

– А вот нахрена ты мне сдался в таком виде, Санёк? Начальные вложения все мои, идея моя, а ты тут при каких делах будешь, поясни? Может, я чего-то не догоняю...

– Вот сам смотри, – так же быстро продолжил я, – надо будет рекламой заниматься и этим... маркетингом. Откуда-то жильцы должны узнать о твоих услугах, верно? А потом репертуар проката надо будет тщательно сбалансировать, чтобы угодить широкой аудитории, а не то разбегутся они к чёртовой матери. А если, не дай боже, мы (хитро ввернул я это мы вместо я) решим ещё что-нибудь включить в программу, кроме Брюса Ли и Греческой смоковницы, я это тоже на себя могу взять.

– Хитёр ты, братец кролик, – усмехнулся он, – считай, что убедил. Только 33 процента это дохера, могу 15 дать. И не с оборота, а с прибыли – стоимость видеков надо будет вычесть.

– 25 и по рукам, – предложил я.

– 20 и по рукам, – выдвинул встречное предложение он.

– Окей, как говорят наши американские друзья, – согласился я, – когда и где начинаем?

– Параметры усилков я тебе завтра-послезавтра выдам... могу домой заехать, я знаю, где эта твоя Свердловка. А там, как спаяешь парочку, протестируем картинку и вперёд.

Тут во входную дверь впорхнула девица весьма откровенного вида, у меня аж челюсть слегка зависла. На ногах у неё были лосины (кто не помнит, что это, смотри картинку) зелёного цвета, далее шла жёлтая, как цыплёнок, блузка и красный платок, повязанный, как бандана. Светофор-стайл. Но самое интересное заключалось в том, что блузка была заправлена в лосины... вот ни разу не видел такого выверта... и все её округлости и впадины ниже пояса были представлены на всеобщее обозрение. Довершало картину лицо с ярко накрашенными губами и ресницами. Женщина со сниженной социальной ответственностью, пришла мне в

голову формулировка из будущего. И ещё строчка из песенки в голове закрутилась «Твои зелёные лосины меня сейчас сведут с ума».

Да, это те самые лосины, за рубежом называемые леггинсами – разновидность штанов из эластичных материалов обтягивающего фасона.

– О, Любка идёт, – обрадовался ей собеседник. – Притормози на минутку.

– Привет, Саньки, – сказала она, из чего я сделал логичный вывод, что парнишка тоже Александр, – извини, тороплюсь.

– На пару слов буквально, – не отступил он. – Мы тут с Лётчиком совместное предприятие организуем – пойдёшь к нам бухгалтером?

– Это другое дело, – быстро перешла на деловой тон она, – что за предприятие, чем заниматься будет, сколько бабла положите?

– Кабельное телевидение организуем, я руководитель, Лётчик вот ответственный за техническую часть и маркетинг, а ты, значит, главным бухгалтером будешь.

– И лицом канала, – добавил я.

– Как это? – заинтересовалась она.

– Ну рекламу надо будет давать, может интервью какие придётся в СМИ делать... а если хорошо раскрутимся и сами что-нибудь снимать начнём, будешь ведущей и актрисой.

– А денег пока нет, – твёрдо сказал Саня-2, – надо раскрутиться. А пока я могу тебе пообещать 10 процентов от прибылей.

– А ему сколько дал? – ткнула она пальцем в меня.

– 20, – честно ответил я, – но у меня и фронт работ пошире, одних кабелей сколько протащить предстоит.

– Идёт, – очень быстро ответила она, – маякни мне, когда начинать, а сейчас извините, парни, у меня встреча.

И она быстро проследовала через турникет, не забывая, впрочем, очень выразительно покачивать задницей – в зелёных лосинах это было особенно сексуально.

– Да уж, – сказал, глядя ей вслед, второй Саня, – не девка, а мечта поэта.

– Согласен, – кивнул я головой, – только в смысле компаньона она слегка сомнительна.

– Может быть, посмотрим...

– Ну я пошёл, – поднялся я с подоконника, – жду вводной информации по усилкам.

И я тоже проскочил турникет без задержки, сунув под нос вахтёру своё удостоверение. Теперь надо найти отдел автоматизации научных исследований, в котором я числился, судя по штатному расписанию.

Делом это оказалось непростым, потому что институт этот имел четыре отдельных корпуса, а в каждом корпусе значилось от 4 до 7 этажей. Пришлось спросить у случайного встречного в коридоре, тот указал направление в самый новый корпус, на третий этаж.

– Там в правом углу они и сидят, – сказал случайный встречный, – только сейчас помоему их почти всех на картошку угнали.

Это радует, подумал я, не придётся с большим количеством народа объясняться. Новый корпус был действительно новым, в углах витала ещё пыль от побелки и остро пахло нитрокраской. Но дойти до своего отдела мне сразу не удалось, по дороге в одном кривом коридорчике перехватил здоровенный, как медведь, мужчина со зверским выражением лица.

– Летов? – спросил он, ухватив меня за рукав, – ты как здесь? Ты же, говорят, на стройку ушёл.

– Так точно, – отрапортовал я, – ушёл. Но на стройке тоже выходные бывают, вот решил посетить альму, так сказать, матер.

Больше всего этот товарищ напоминал одну из масок Аркадия Райкина, иораздо моложе, конечно, но брови один в один такие же.

– Пойдём поговорим, – ответил он, продолжая держать меня за рукав, – раз уж у тебя выходной нарисовался.

Отчего же не поговорить, подумал я, за базар денег у нас пока не берут. Он завёл меня в свой кабинет, на двери которого висела табличка «Замзав отделением Бугров Валентин Егорович». Ну теперь хоть буду знать, как к нему обращаться.

– Ты, говорят, хороший специалист по электронике, – без предисловий начал он, – так у меня есть к тебе деловое предложение по профилю.

– Слушаю со всем вниманием, Валентин Егорыч, – скромно ответил я.

– Мы тут организуем малое предприятие в рамках нашего отделения, нам остро нужен электронщик. Хороший.

– А что делать-то придётся? – осторожно справился я.

– Блок управления к туннельному микроскопу, раз, – начал загибать он пальцы, – крейт-контроллер КАМАКа для IBM PC, два... и ещё что-то там было... а, сканер мы хотим сделать. Оптику с механикой уже почти довели, а с интерфейсом пока беда. Это три.

– Фронт работ немалый, – заинтересовался я, – а что насчёт оплаты труда?

– Пока больше тысячи положить тебе мы не сможем, – я сглотнул слюну, после сырых и убогих 200 р на заводе тысяча это практически равнялась космосу, – но вот раскрутимся, тогда можешь смело эту сумму в разы увеличивать. Я не тороплю – подумай, время пока есть.

– А что тут думать-то, Валентин Егорыч, – вылетело у меня, как пробка из шампанского, – согласен. Когда приступать? Я могу работать по полдня, когда у нас первая и вторая смена, а после третьей, извините, не выйдет.

– Вот тебе сопроводилка, – и он начеркал что-то на бланке, – зайдёшь в бухгалтерию, спросишь Клавдию Петровну, она всё оформит и выдаст аванс. Завтра сможешь прийти?

Я скопил глаза на написанное, там в графе «сумма прописью» значилось 500 рублей. А жизнь-то, похоже, налаживается.

– Да, завтра у нас вторая смена, так что с раннего утра и заеду.

– Отлично, познакомлю тебя с коллективом и сразу возьмёшься за дело. Засучив рукава.

– Нечего засучивать, – пошутил я, – рубашки сейчас с короткими рукавами носят, август же.

Но он не понял моей шутки и мановением руки отпустил меня на все четыре стороны. Что я немедленно же и исполнил, наконец добравшись до своего затерянного отдела. Возле двери в него стоял и курил у окна одинокий завлаб Александр Иваныч, он тоже мне обрадовался.

– О, Лётчик пришёл? Как работаете на кирпичках?

– Отлично, – не стал вдаваться в детали я, – бери больше, кидай дальше...

– Отдыхай, пока летит, – закончил он за меня. – Знаю я такую форму работы. С чем пожаловал?

– Да мимо ехал, – быстро соврал я, – решил заглянуть по старой памяти. Тем более, что у меня сегодня выходной.

– А почему выходной посреди недели? – поинтересовался он.

– Так непрерывка же, кирпичи из сушилки лезут постоянно, нам их надо подхватывать и в печку определять. Так что 4 первые смены-выходной-4 вторые-выходной-4 третьи-отсыпной плюс выходной. Такой вот график. А у вас как тут дела приистекают?

– Потихоньку... – Иваныч выкинул окурочек в урну, – половина отдела на сельхозработах, а из оставшихся большая часть в экспедиции.

– И куда экспедиция, если не секрет?

– Не секрет – сначала по Тихому океану, потом по Индийскому, а на закуску к берегам Камчатки прогуляются.

– Здорово, – позавидовал в душе я (хотя с высоты 21 века завидовать тут особо нечему, 50 кажется баксов командировочных и гуляй на все). – А кто остался-то на работе?

– Трое, Шанов, Трошкин и Штейман, можешь пообщаться.

И мы зашли в отдел – Иваныч скрылся в своём кабинете налево, а я двинул направо... но там совсем никого не было, обед что ли у них случился. Своей столовой в нашем институте не было, поэтому все ходили в обкомовскую, и занимало это все два часа. Ну нет, значит нет, не судьба – пообщаюсь позже. А пока у меня в голове созрела ещё одна мысль... набрал номер телефона напарника Мишани, надеюсь, он дома сейчас.

– Алло, – сказала трубка его голосом.

– Привет, Миша, – ответил я, – извини, что беспокою, но тут у меня один вопросик созрел – не подскажешь, кто в райкоме курирует наш МЖК?

– Подскажу конечно, Мишин Геннадий Палыч, можно просто Гена. Второй секретарь райкома.

– Спасибо, заскочу сейчас.

– А что за вопрос-то?

– Потом расскажу, если выгорит, – ответил я и повесил трубку.

Далее я спустился на первый этаж, там у нас вся бухгалтерия обитала. Пришлось подождать под дверью, когда у них обед закончится. Слава богу, в обком они не ходили, с собой всё приносили. Ровно в час дверь распахнулась, и мне оттуда было сказано: «Ну чего топчешься – заходи, раз уж пришёл». Я зашёл и огляделся – на Клавдию Петровну тут что-то никто похож не был, все работницы были молодые и частично даже красивые.

– Я от Валентин-Егорыча, – робко начал я.

– Это значит ко мне, – откликнулась одна сотрудница от окна, молодая, но увы, не слишком красивая, – давай свою бумажку.

Я тут же плюхнулся на стул рядом с её рабочим местом и протянул начертанную начальником сопроводилку.

– Ты третьим будешь на этой неделе, – лениво сказала Клавдия, черкая что-то в своих бумагах, – Егорыч круто за дело взялся. Пропуск покажи?

Я достал из кармана пропуск и положил его на стол, она очень внимательно изучила его от корки до корки.

– Не забудь продлить в январе, – заметила она, возвращая мне пропуск, – а с этим вот в кассу, туда как раз деньги завезли. В трудовую книжку потом запись внесу, не горит. Ну что, Александр, поздравляю с новой работой – с тебя простава.

Прочие бухгалтерши хихикнули на своих местах, а я взял бланк и скромно ответил, что непременно, в течение недели точно. А сам быстренько покинул эту комнату, не понравилась мне там атмосфера. Касса располагалась на первом же этаже, но в другом корпусе, пришлось выйти во двор и обогнуть завалы из сосудов Дьюара, их почему-то все здесь складировали.

– Пропуск! – первым делом каркнули мне из окошка кассы.

Я пожал плечами и выложил требуемое, после чего очень быстро получил аванс. Почему-то все купюры полтинниками, итого десять зелёных штук... надо ж, как на сто-евровые похожи, подумал я, только размером поменьше.

Сроду такими деньгами со мной никто не расплачивался, а тут целых десять штук... сложил их пополам, сунул в карман и вышел из гостеприимного института радиотехники на свет божий. Слава богу, больше никто из бывших знакомых меня не затормозил. Райком комсомола у нас находился неподалёку, на площади Ивана Сусанина, прямо там куда показывала его

длинная рука – по этому поводу в народе много шуток ходило. Смело толкнул дверь и тут же нарвался на дежурного, то есть на дежурную, строгую деваху в очках, одетую в классический офисный костюм, белый верх, чёрный низ.

– Вы к кому, молодой человек? – строго спросила она меня.

– К Мишину я, к Геннадий-Палычу, – ответил я и зачем-то добавил, – по вопросам МЖК.

– Нет его, по делам уехал, – облегчённо сказала деваха, садясь на своё место. – За него Патрикеев по этим вопросам – пойдёшь?

– Наверно нет, – покусал губы я, – лучше уж прямо к главному лицу. Когда он появится-то, Мишин?

– Сегодня уже вряд ли. А завтра с утра должен быть, у него как раз и приём граждан с 9 часов значится.

– Вот завтра с утра я и подскочу. Записываться на приём не надо?

– Нет, у нас всё демократично – в общей очереди посидишь.

– Спасибо, товарищ, – улыбнулся я девице, она хоть и изображала из себя злого цербера, на вид была довольно симпатичной. – Меня кстати Сашей зовут.

– А меня Катей, – буркнула она, – ну пока, Саша.

Доехал я до дому без приключений, отоварил по дороге три талона, на сахар, по коему выдавали шоколадные конфеты, на колбасу (2.90 докторская) и на сигареты (сам-то я не курю, но обменять этот дефицитный товар всегда можно). А вот в нашей коммуналке как-то приключений не удалось избежать. Когда жарил себе яичницу с только что купленной колбасой, на кухню вывалился тощий и весь волосатый гражданин определённо кавказской национальности. Права он начал качать ещё из коридора.

– Ты зачем к Марусе пристаёшь? – спросил он у меня свистящим шёпотом.

– Я? К Марусе?? С чего ты взял??? – ответил я с искренним изумлением.

– Она сама мне сегодня сказала.

Разборки были долгими и муторными, яичница успела остыть к концу. Сама-то Маруся на работе была (надо будет с ней поговорить что ли, подумал я, чего она меня так подставляет, сучара), поэтому обошлось без её привлечения... короче, сумел я как-то убедить этого Вахтанга, что у нас с его подругой ничего нет и не намечается.

– Мне совсем другие женщины нравятся, зёма, – втолковывал я ему, – похудее и повыше... и чтоб с бигудями на голове не ходили.

– То-то я смотрю, – с подозрением возражал мне Вахтанг, – на твою жену – не худая она ни разу.

– Это со временем случилось, – вздохнул я, – а поначалу у неё всё в порядке было...

Разошлись мы с ним, короче говоря, краями, слегка только ободрав краску на бортах. А вечером ещё и с Ируней поддерживать как-то беседу пришлось... я очень быстро выяснил, что ума у неё, как у курицы, даже меньше. И куда Саня-прежний только глядел, что посадил себе на шею такое сокровище? От супружеских обязанностей сумел отбояриться, сказавшись что устал очень...

3 августа. Райком-стройка-происшествие в цеху

Утро началось с того, что в дверь зазвонили условным звонком, вызывающим нашу комнату, это я успел уже выучить, два коротких. Встал, натянул треники, открыл – там стоял парень лет 20 с небольшим и у него в руках был блокнот.

– Ты это, Лётчик, – так начал он свою речь, – завязывай мой телефон разным ханурикам давать. Вот ей-же-ей, последний раз передаю тебе, что они там хотят, дальше посылать буду.

– Хорошо, не буду больше, – хмуро ответил я, совсем ничего не понимая спросонья, – а что передают-то?

– Миша какой-то передал, что сегодня в два часа тебе надо быть на вашей стройке, чего-то там корчевать будете. Всё, я пошёл, – и он развернулся.

– Спасибо тебе (как хоть его зовут-то...) и это, извини за беспокойство.

Так, значит у меня ещё одно дело образовалось, подумал я – с утра в райком надо, потом забежать в институт обещал, чтобы обозначить начало кипучей деятельности, влезать с головой в эти туннельные микроскопы наверно не получится. К двум часам на место нашего будущего дома... деревья там, кажется, надо выпилить будет. А дальше и на завод пора, вторая смена в три-тридцать начинается. Работаем, Санёк, сказал я себе, лучше день потерять, зато потом за час долететь.

Проводил супругу на службу, помахав рукой, выдержал на кухне нравоучительную беседу с дядей Петей (он белорус был, как выяснилось, а жена у него, тетя Галя которая, она натуральная цыганка – ничего себе семейка) и выдвинулся в центр города тем же самым маршрутом, через сороковой автобус... вспомнил анекдот из замшелых советских времён: один товарищ прогулял день на работе, начальник у него спрашивает назавтра, чего это так, а тот отвечает – мол, стоял и ждал сорокового автобуса, тридцать девять проехало, а сорокового так и не дождался.

Итак, райком комсомола, здание где-то начала девятнадцатого века, на углу висит табличка, что здесь, дескать, была гостиница, где в 1833 году останавливался Александр Сергеевич Пушкин. Ну привет тебе, тёзка, у меня тоже дела здесь намечаются. Пропустили меня вообще без запинки, просто никого на месте вахтёра не было, забежал на второй этаж, нашёл кабинет второго секретаря, никакого предбанника с секретаршей, рылом, видимо, пока не вышел товарищ Мишин для секретарши. Стучусь, невнятный ответ, захожу.

– Здравствуйте, – говорю, – Геннадий Палыч, я по вопросу МЖК.

– Можно Геной и на ты, – ответил мне невысокий чернявый товарищ в светлом костюме. – Садись и рассказывай, что там у тебя накопилось.

– Я из отряда 90-го года, командир у нас Ванечкин, а меня Сашей зовут, – начал я.

– Аааа, ну вспомнил-вспомнил, – улыбнулся он, – и Ванечкина, и тебя тоже, и какие проблемы в отряде, Саша?

– Страшные и ужасные, – сказал я словами Винни-Пуха, – полгода уже прошло, а ни коня, ни воза не наблюдается.

– Это ты про вашу контору, как её?

– МПСХО, – подсказал я, – про неё, родимую. Они же совсем ничего не делают, эти мпсхо-шники, даже зарплату нашу, которую им завод перечисляет, и ту выдать вовремя не могут.

– Я с ними поговорю, – перешёл на серьёзный тон Гена, – задерживать зарплату это никуда не годится.

– Да тут не в зарплате дело, – с горечью продолжил я, вспомнив историю настоящего Сани, – за полгода можно было бы нулевой цикл закончить и стены уже вести, а как выясняется, там на нашем участке лес густой растёт. Сегодня вот по разнарядке корчевать их будем.

– Да? – удивился Гена, – не знал. Ну допустим, допустим... знаешь, есть такая поговорка – критикуя-предлагай. А то ругаться вы все мастера, а как до дела доходит, никого не сыщешь.

– Пожалуйста, – пожал плечами я, – предлагаю – выгони в шею этих Коль и Володь и поставь начальником меня. А замом еще одного парня из нашего отряда, Мишу Шубина. Мы этот дом за год построим, это раз...

– Что же ты замолчал, – неожиданно развеселился секретарь, – выкладывай и два уже.

– А два заключается в том, что я... мы с Мишей то есть, заработаем гораздо больше денег, чем эти Коли-Володи. Райком же в этом заинтересован, верно?

Гена удивлённо окинул меня взглядом, а потом бросил:

– Коль и Володь я, положим, знаю по предыдущей работе, а вот ты кто такой, чтобы я тебе на слово поверил?

– А ты и не верь, – откликнулся я, – а проверь, как говорил этот, Рейган что ли... для начала введи меня в руководство этой конторой с испытательным сроком каким-нибудь. Пара месяцев допустим. А по итогам этого срока всё видно будет.

– Хорошо, оставь свои координаты и иди, я подумаю, – задумчиво ответил Гена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.